

Скрывавшиеся в тени люди быстро осознали, что Инь Цичи – далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Некоторые из них, охваченные внезапным сомнением, уже хотели отступить, но другие, напротив, резко сменили направление и потянулись к тому самому молодому господину, который, если судить по внешнему виду, вовсе не обладал никакой культивацией.

Однако произошло нечто странное: этот молодой человек стоял прямо перед ними, в пределах досягаемости, но они каким-то необъяснимым образом никак не могли к нему приблизиться.

Он стоял, обняв меч и опустив взгляд, и казался абсолютно реальным, осязаемым. Но ветер, мягко шевеливший его волосы, придавал ему сходство с персонажем с какой-то старинной картины – прекрасным, желанным, но совершенно недостижимым.

В то же время те, кто решил бежать, столкнулись с точно такой же проблемой.

Хотя лесная поляна была совсем невелика, как бы отчаянно они ни пытались скрыться, они не могли покинуть это место, словно наткнулись на невидимую стену.

Раз так... оставшиеся десять с лишним человек, понимая, что отступить некуда, одновременно бросились в яростную атаку.

Инь Цичи молниеносно перехватил того, кто нападал быстрее всех, и, используя несчастного как живой щит, резко прокрутился на месте, ловко отразив большую часть ударов.

Затем он едва заметно, почти лениво двинул запястьем, и в тишине леса раздался отчетливый, сухой хруст костей.

Тот, кого он держал, мгновенно перестал сопротивляться, превратившись в удобный и послушный щит из плоти и крови.

Оставшуюся часть атак, которой невозможно было избежать, Инь Цичи, тщательно рассчитав углы и траектории, свел к абсолютному минимуму.

Вскоре на этой небольшой поляне стоящих людей стало значительно меньше, чем лежащих.

Инь Цичи поглотил воспоминания двух своих соучастников и детально изучил их приемы, однако его собственный стиль боя кардинально отличался от их манеры.

В его действиях не было никаких лишних или вычурных движений. Зрелищности – ноль, зато практичность была возведена в абсолют.

- Пощади! – взмолился один из выживших. – У меня просто помутился рассудок...

Инь Цичи мягко, почти ласково улыбнулся:

- Ничего страшного. В следующей жизни будь внимательнее.

Он разжал руку, и безжизненное тело с глухим стуком тяжело рухнуло на землю.

Следом Инь Цичи резким движением правой руки выхватил оружие, и в его ладони мгновенно появился пистолет.

С поистине фанатичным терпением он выпустил остатки обоймы, методично разряжая её в каждое из тел.

Затем Инь Цичи не спеша, с почти медитативным спокойствием сменил магазин.

Убедившись, что все лежащие на земле получили «острое отравление тяжелыми металлами», он с чувством глубокого удовлетворения убрал оружие.

Ничего не поделаешь. Хотя Инь Цичи и не был привередливым человеком, он искренне считал, что в жизни должна быть хоть капля торжественности.

Он обернулся к Цзян ХаньЯ и с легким любопытством спросил:

- Ну как?

Цзян Ханья едва заметно улыбнулся:

- Отлично.

Он медленно обошел разбросанные трупы и подошел к Инь Цичи:

- Очень эффектно.

- Мой дорогой молодой господин, я бесконечно рад, что не разочаровал вас, - Инь Цичи театрально и низко поклонился.

В этот момент он снова вспомнил о гладиаторской арене.

Говорили, что однажды один выходец из подземного района безнадежно влюбился в барышню, живущую в роскошном небесном районе.

Та барышня на словах пообещала ему: если он станет чемпионом арены, она сделает его одним из своих любовников.

Конечно, в реальном мире не бывает счастливых финалов, как в сказках.

Тот человек погиб уже в третьем бою, так и не достигнув своей цели.

Тогда Инь Цичи искренне не понимал, почему люди бывают такими глупыми, чтобы ставить на кон собственную жизнь ради призрачного, ничем не подкрепленного обещания.

Разве нельзя было сначала подписать официальный контракт, чтобы получить хоть какие-то юридические гарантии, а уже потом действовать?

Теперь же он начал понемногу понимать.

Инь Цичи посмотрел на свои руки, затем на стоящего рядом Цзян ХаньЯ, который, судя по всему, был в весьма хорошем настроении, и тихо произнес:

- Помнится, ты говорил, что если я буду достаточно силен, то смогу получить всё, чего пожелаю?

Цзян ХаньЯ спокойно кивнул:

- Да, именно так.

- Спасибо, - весело улыбнулся Инь Цичи. - Теперь я понял.

Успешно провернув схему «вор у вора украл», Инь Цичи профессионально и стремительно обчистил всех лежащих на земле, забрав у них все имеющиеся деньги.

Билеты на корабль покупать больше не нужно было.

Хорошо, что билеты оказались неизменными - взял и пользуйся.

Хотя у десятка поверженных врагов было не так уж много средств, Инь Цичи не брезговал даже мелочью.

Каждый цент был на счету - благодаря этой добыче он успешно перешел из разряда нищих в своего рода средний класс.

Инь Цичи снял одноразовые перчатки и, обернувшись, заметил, что Цзян ХаньЯ всё это время пристально наблюдал за ним.

Его слегка приподнятые фениксовы глаза сейчас были полностью сосредоточены на нем, а в зрачках читалось явное нетерпение.

- У тебя еще остались силы? - Цзян ХаньЯ сделал шаг вперед, с хрустом раздавив сухую ветку.
- Если да, давай сразимся.

Его очень заинтересовали приемы Инь Цичи.

В движениях этого юноши не было никакой привычной системы, на первый взгляд всё выглядело хаотично и бессвязно.

Однако Цзян ХаньЯ видел истинную суть: все действия Инь Цичи представляли собой самые лаконичные и практичные удары, нацеленные исключительно на поражение.

Если рассматривать атаку и окончательную победу над врагом как две точки, то большинство боевых приемов – это сложные кривые, соединяющие их.

Кривые, полные изящества, эстетики и выверенного ритма боевых искусств.

Приемы, которые использовал сам Цзян ХаньЯ, были похожими. Разве что кривизна в них была чуть меньше.

Но Инь Цичи был другим.

Его приемы – это прямые линии.

Лаконичные, четкие, смертоносные.

В них не было ритма боевых искусств, лишь холодная, возведенная в абсолют эффективность.

Хотя это выглядело не так красиво, как большинство известных техник, это было невероятно практично.

- Без использования мистической энергии или духовной энергии, и без оружия, - предложил Цзян ХаньЯ. - Просто спарринг на приемах, как тебе?

- Хорошо, - коротко согласился Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ удовлетворенно кивнул и убрал меч:

- Прошу, наставляйте.

Инь Цичи улыбнулся:

- Для меня это честь.

Цзян ХаньЯ на мгновение замялся, почувствовав странный диссонанс, но решил не обращать внимания на такие мелочи.

Спарринг начался. Он стремительно бросился вперед, столкнувшись с Инь Цичи.

Не было звона скрещенного оружия - лишь глухие, тяжелые звуки ударов тел в яростной рукопашной схватке.

Здесь, в бою с Инь Цичи, большая часть колоссального опыта Цзян ХаньЯ внезапно оказалась бесполезной.

Цзян ХаньЯ умел улавливать малейшие детали ритма боевых искусств, витающие в воздухе. Этот ритм был подобен музыке, и Цзян ХаньЯ, словно музыкант с абсолютным слухом, мог точно предугадать действия противника по ритму его движений.

И этот ритм существовал не только на континенте Черной Черепахи - даже в мире культивации, где система сил была совершенно иной, он всё равно присутствовал.

Цзян ХаньЯ всё еще мог его чувствовать.

Но с Инь Цичи его уникальная способность дала сбой.

Потому что в приемах Инь Цичи не было никакого ритма боевых искусств в привычном

понимании.

Он не чувствовал траекторий, только яростные, быстрые и точные атаки.

Цзян ХаньЯ лишился важнейшего чувства в бою, ощущая странную, некомфортную блокировку восприятия.

Но в то же время он пришел в еще больший восторг.

Потеряв восприятие ритма, он мог полагаться только на свои боевые инстинкты, накопленный за века опыт, зрение и чисто физическое ощущение атак Инь Цичи.

А если добавить к этому отсутствие энергии и оружия, этот бой превратился в чистое, первобытное соревнование реакций.

Это был совершенно новый, неизведанный вид сражения!

Цзян ХаньЯ заблокировал коварный удар Инь Цичи и контратаковал, но тот тоже ловко отразил выпад.

Удар за ударом, глухой звук за глухим звуком.

Цзян ХаньЯ учился прямо в процессе боя, прогрессируя с невероятной скоростью.

Наконец, он сделал искусный ложный выпад, обманув Инь Цичи, и тут же, стремительно развернувшись, провел удушающий захват, намертво сжав шею противника.

- Сдаюсь! - Инь Цичи, проиграв, ничуть не расстроился и с улыбкой поднял руки.

Цзян ХаньЯ разжал руки и уже собирался отступить, как вдруг Инь Цичи молниеносно ухватил его за плечи и, резко развернувшись, с силой прижал к земле.

Цзян ХаньЯ замешкался на долю секунды, застигнутый врасплох такой наглостью.

Инь Цичи одной рукой прижал его к земле, а другой, сложив два пальца вместе, слегка ткнул его в область сердца:

- Пиф-паф.

- На войне все средства хороши, мой господин, - добавил он с хитрым видом.

Цзян ХаньЯ не разозлился. Он быстро проанализировал свои действия и признал:

- Верно. Тогда эта партия - ничья.

Инь Цичи первым поднялся и протянул руку Цзян ХаньЯ, который собирался встать.

- Господин, прошу.

Цзян ХаньЯ, уже было протянувший руку, внезапно замер.

- Что такое?

- Ничего, - ответил Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ всё же взял его за руку и позволил Инь Цичи поднять себя.

Он слегка привел себя в порядок, отряхивая пыль с одежды.

Перед уходом нужно было окончательно разобраться с телами.

Инь Цичи активировал простого шахтного робота. Настроив его, он запустил машину, которая, лязгая гусеницами, начала рыть глубокую яму, чтобы закопать трупы.

Инь Цичи было немного жаль этих ресурсов.

Тела здоровых культиваторов стоили очень дорого.

Будь то медицинские эксперименты, создание особых артефактов или что-то еще - например, производство духов, косметики, украшений, сумок, филлеров для лица или пересадка кожи - всё это можно было выгодно продать на черном рынке.

Но Инь Цичи пробовал - система постоянно выдавала сообщение: «не подлежит торговле».

Он не верил, что системе межмировой торговли это просто не нужно.

Вероятно, дело было не в технической передаче данных, ведь огромные туши магических зверей передавались без каких-либо проблем.

Значит, этот мир просто не позволяет такого?

В его понимании не существовало концепции «покоя с миром» или традиционных похорон.

После смерти тела обычно просто разбирали на части и продавали по деталям.

Трупы всегда были ходовым и популярным товаром.

Если у тела был законный хозяин, приходили специальные скупщики, а бесхозные тела, валявшиеся на улицах, забирали в кратчайшие сроки.

Кто был быстрее, тот и получал прибыль.

Ни он, ни кто-либо другой в его прежнем окружении не видели в этом ничего плохого.

Закапывать в землю - такая нелепая трата! Лучше продать и заработать.

До того как он попал в этот мир, двое его товарищей завели служебный роман и в убогом, сыром подвале устроили незаконную, чисто символическую свадьбу.

На этой свадьбе жених и невеста торжественно поклялись друг другу, что после смерти их тела перейдут во владение партнера.

Деньги и имущество могут меняться, обесцениваться или исчезать.

Но тело остается неизменным, оно существует стабильно.

Всякие «я тебя люблю» - это пустой звук, дешевая сентиментальность.

Фразы вроде «я тебя люблю» или «ты мне нравишься» говорили только секс-куклам.

Те, кто действительно хотел прожить жизнь вместе, при признании говорили: «После моей смерти мое тело достанется тебе».

Или: «Не хочешь ли ты стать наследником моего тела?»

Жизнь была опасной, в любой день можно было получить пулю на улице.

Живешь одним днем.

Когда ты случайно умираешь, твоё тело можно продать за приличную сумму, обеспечив партнеру хоть какую-то твердую финансовую гарантию.

Оба написали завещания и загрузили их в сеть, указав, что всё имущество и тела после смерти переходят друг другу.

Для людей уровня Инь Цичи настоящая свадьба была непозволительной роскошью.

Такое завещание и было их единственным истинным свидетельством о браке.

Инь Цичи тоже был завидным холостяком, в основном из-за своих высококлассных протезов, да и вел он весьма здоровый образ жизни.

Его тело после смерти стоило бы очень дорого.

Настоящий «золотой холостяк».

Инь Цичи попал в этот мир душой, и он был уверен, что его прежнее тело уже давно утилизировали.

Его тело было очень ценным, все установленные протезы – высшего класса, их можно было разобрать и использовать снова. Жаль только, что ему никогда не узнать, кому именно они достались.

Он не стал писать завещание, решив, что пусть те люди сами грызутся за останки.

Только представьте: после его смерти куча народу спорит до хрипоты из-за права собственности на его труп – разве не забавно?

Ничего плохого в этом нет, по крайней мере, будет весело.

Однако, вспомнив про завещание, Инь Цичи поддался внезапному порыву и решил его составить и здесь.

Не успел он начать, как система межмировой торговли тут же выдала всплывающее окно:

[Если носитель умрет, всё накопленное богатство, включая тело, переходит в собственность системы межмировой торговли и не может быть передано третьим лицам.]

Если бы это было раньше, Инь Цичи было бы совершенно всё равно.

Всё равно не было никого, кому он хотел бы что-то оставить.

Теперь всё иначе.

Он искренне хотел передать всё свое наследство, включая право собственности на тело, Цзян ХаньЯ.

В той книге «Верховный Черной Черепахи (лимитированное издание)», которую он получил, было небольшое описание:

[«Милый, не грусти так, - сказал Инь Цичи. - Чем плохо быть моей женой? Если я однажды умру, ты станешь единственным наследником всего моего имущества, и мое тело тоже будет твоим. Подумай только, тело великого императора - как дорого оно стоит! Соседние кланы слюной исходят от зависти».

«Но если это действительно случится, я не советую тебе его продавать. Я советую съесть всё, что можно, вдруг будут какие-то особые эффекты».

«Кстати, хочешь попробовать?» - Инь Цичи серьезно задумался. - «Плоть великого императора может обладать особыми свойствами. Давай я сейчас отрежу кусочек, попробуешь?»

Выражение лица Цзян ХаньЯ застыло, он в панике посмотрел на Инь Цичи, поняв, что тот не шутит.

Кровавый кусок плоти, источающий запах сырого мяса, был протянут Инь Цичи с улыбкой: «Милый, давай, попробуй кусочек?»

Свежая кровь стекала между его пальцев.

Теплая алая кровь запачкала слегка бледные губы Цзян ХаньЯ, и он, едва не вырвав, отпрянул: «Убери! Я не буду это есть!»]

Впрочем, хотя Инь Цичи был готов отдать свое тело Цзян ХаньЯ, обратная ситуация - совсем

другое дело.

Инь Цичи закрыл окно системы, и в его опущенных глазах на мгновение мелькнул холод.

Ну надо же, как ловко.

Наследство, которое я хочу оставить жене, ты тоже хочешь забрать?

Жадность не знает границ.

Он сделал пометку в своем внутреннем списке претензий к системе.

Однако тот Инь Цичи из книги мог так свободно распоряжаться всем своим имуществом, значит, он уже решил проблему с системой межмировой торговли.

В конце концов, если не решить вопрос с системой, нельзя свободно распоряжаться наследством и оформить свидетельство о браке.

Хотя в книге прямо не говорилось, как именно он это сделал, но... он обязательно узнает.

Маленький робот быстро закончил работу, и все тела, согласно принципу «каждому по яме», были преданы земле.

- Пойдем.

- Хорошо, - Инь Цичи убрал робота.

Вскоре под удивленными взглядами толпы и смешанными чувствами трактирщика они переступили порог ресторана.

Инь Цичи был последователен и не менял своего отношения к окружающим из-за того, что в кармане появились деньги.

Он продолжал с упорством играть роль высокомерного слуги.

- Хм, а я ведь хотел дать тебе побольше чаевых, - холодно усмехнулся Инь Цичи. - Кто бы мог подумать, что хозяин лавки такой непорядочный: столько мелких крыс следило за нами, а ты даже не предупредил.

Он бросил на стол деньги за еду и ночлег, не добавив ни монеты сверху.

Трактирщик, который изначально думал, что вернуть свои деньги - уже успех, теперь, осознав упущенную выгоду, почувствовал, будто у него живьем вырвали кусок сердца.

Закончив свои язвительные речи и продемонстрировав две стороны своей натуры, Инь Цичи внезапно переключился и подобострастно добавил:

- Господин, идемте сюда, осторожнее на лестнице.

Цзян ХаньЯ лишь многозначительно промолчал. Он совершенно не понимал, что сейчас происходит, и пребывал в состоянии легкого шока.

Ему так хотелось сказать, что он вообще не знает этого человека...

Однако, после того как Инь Цичи доказал свои способности и потенциал, Цзян ХаньЯ стал проявлять к нему больше терпения.

Хотя от происходящего у него порой мурашки бежали по коже, он решил подыграть:

- М-м.

Вернувшись наверх, так как был заказан только один номер, Инь Цичи сделал приглашающий жест:

- Господин, прошу.

Цзян ХаньЯ снова промолчал, но в его голове пронеслась мысль: «Вокруг никого, может, хватит притворяться?»

Инь Цичи оставался невозмутим:

- Я искренен в своих чувствах.

Цзян ХаньЯ вспомнил описание из книги.

Слово «псих» тут же всплыло в голове.

Это определение всё еще казалось слишком «академичным».

На их континенте Черной Черепахи это обычно называли «болезнью мозга».

Он вздохнул и устало потер виски.

Цзян ХаньЯ намекнул:

- Насколько я знаю, тебе уже двадцать один год.

Нельзя ли вести себя хоть немного солиднее?

Инь Цичи послушно кивнул:

- М-м, ты прав, я во всем буду слушаться тебя.

Цзян ХаньЯ снова замолчал.

Похоже, случай был безнадежным.

Так как во время спарринга они изрядно повалились на земле, после ужина Цзян ХаньЯ решил принять ванну перед сном.

Обслуживание в ресторане было на высоте, и вскоре принесли бадью, наполненную горячей водой.

Цзян ХаньЯ зашел за ширму и начал мыться.

Ширма была деревянной, она не пропускала свет и тени, в отличие от легкой тканевой с вышивкой.

Но одежда, висящая на ширме, и звуки плещущейся воды заставляли воображение Инь Цичи разыграться.

Инь Цичи, подперев щеку рукой, полулежал за столом, наблюдая за происходящим, но не предпринимая никаких лишних действий.

Он не был одержим сексом, иначе не соблюдал бы такую строгую чистоту, чтобы избежать вирусов и оставаться в безопасности.

Подобные вещи до его попадания в этот мир были повсюду, и в этом не было ничего необычного: стоило всего десяти кредитных очков, чтобы заключить сделку с какой-нибудь уличной секс-куклой.

В той книге, что была у него в руках, хотя и описывалось много разного, акцент вовсе не делался на чувственных удовольствиях.

Такие внешние стимулы, как и вызывающие привыкание наркотики, не вызывали у Инь Цичи особого интереса.

Его по-настоящему занимали изменения в Цзян ХаньЯ.

Выражение лица, интонации голоса, каждое движение тела.

Реакции Цзян ХаньЯ - вот что было по-настоящему захватывающим.

Поэтому в книге Инь Цичи так любил поддразнивать Цзян ХаньЯ своими словами.

Ему доставляло истинное удовольствие держать Цзян ХаньЯ в таком состоянии, когда тот не мог ни сопротивляться, ни даже потерять сознание, оставаясь вынужденным слушать весь этот бред.

Конечно, иногда они устраивали своего рода косплей.

Это было еще интереснее.

Поэтому простое одностороннее подглядывание его совершенно не привлекало.

Гораздо лучше было дожидаться момента, когда у него появятся силы, чтобы просто схватить этого человека и участвовать в процессе вдвоем.

Вот это было бы по-настоящему весело.

Цзян ХаньЯ впервые мылся в бадье, и ему было немного тесно.

Раньше он привык мыться в просторных купальнях, где обычно предлагались напитки, закуски и книги для досуга.

Однако Цзян ХаньЯ был человеком адаптивным и совершенно не жаловался.

Это был не горячий источник, поэтому вода постепенно остывала, и он вышел из бадьи, как только температура упала до определенного уровня.

Культиваторам не нужны полотенца: достаточно было слегка встряхнуться, задействовав внутреннюю энергию, и тело вместе с волосами мгновенно становилось сухим.

Он оделся, вышел из купальни с распущенными волосами и сел за стол, медленно расчесывая их деревянным гребнем.

В ресторане ночью вместо обычных свечей использовали лампы, работающие на духовных камнях; свет от них был похож на свечной, но ощутимо ярче.

Мягкий свет падал на лицо Цзян ХаньЯ. Его волосы были черными, гладкими, словно шелк, и гребень легко скользил по ним от самых корней до самых кончиков.

Инь Цичи, тронутый этой тихой и безмятежной картиной, вдруг задумался об одном вопросе.

В этом мире люди вступали в брак рано, а дети из великих кланов с ранних лет имели помолвки. У его соучастника из мира культивации тоже была такая договоренность, но после того, как тот стал калекой, помолвку расторгли.

А как насчет Цзян ХаньЯ?

В книге об этом не упоминалось.

И он решил спросить.

- Помолвка? - Цзян ХаньЯ лишь слегка покачал головой. - Клан Цзян не заключает союзов через брак.

В отличие от многих других влиятельных сил, клан Цзян не занимался подобными вещами.

Если члены семьи желали вступить в брак, они обычно искали талантливых воинов из низов.

Они принципиально не создавали союзов с представителями других влиятельных кланов.

Это искренне удивило Инь Цичи. До его попадания в этот мир между верхушкой корпораций и простыми людьми существовала почти полная репродуктивная изоляция, и он предполагал, что в такой суперсиле, как клан Цзян, ситуация была аналогичной.

Почему же они искали именно простых людей?

- Потому что талант не передается по наследству, - спокойно ответил Цзян ХаньЯ. - Обязательно ли у талантливых родителей родится талантливый ребенок? Нет, у выдающихся родителей вполне может родиться посредственность.

- Появление гениальных воинов не имеет никаких закономерностей, это невозможно контролировать.

В этом процессе было слишком много случайности.

- Тогда как гарантировать, что в каждом поколении семьи будут выдающиеся воины? Самый простой способ - искать их среди сильных людей из простых семей.

Цзян ХаньЯ невозмутимо продолжил:

- Посредственный мужчина из клана Цзян находит талантливую женщину-воина. Посредственная женщина из клана Цзян находит сильного мужчину-воина. Через брак они становятся частью клана Цзян, и в клане прибавляется два сильных бойца.

- А так как эти бойцы происходят из простых семей, то, чтобы пробиться в среду, где их могут заметить представители клана Цзян, они должны быть лучше, чем дети из влиятельных кланов: их характер тверже, а талант выше.

- К тому же, поскольку у них нет поддержки собственного клана, они оба, и мужчины, и женщины, напрямую вливаются в клан Цзян, становятся ее полноценными членами и сражаются за интересы клана. А в случае предательства с ними гораздо проще разобраться.

- Если же это человек из влиятельной силы, за ним тянется шлейф из множества интересов. Он не обязательно будет предан клану Цзян, и в случае предательства возникнут огромные проблемы.

В общем, все члены клана Цзян искали себе пару среди сильных людей из низов, пополняя ряды клана из поколения в поколение. Даже если молодое поколение клана Цзян в какой-то момент оказывалось посредственным, их партнеры всегда были первоклассными бойцами, поэтому сильные люди в клане никогда не переводились.

Инь Цичи постепенно всё понял:

- Значит, если есть два бойца с одинаковой силой и условиями, то тот, кто из более низкого сословия и чья родина более глухая, имеет преимущество перед членами клана Цзян?

Ищут деревенщин?

Цзян ХаньЯ кивнул:

- Именно так.

- Чем ниже происхождение, тем ниже точка старта и меньше доступных ресурсов. В таких условиях, если они могут сражаться наравне с теми, у кого ресурсов в избытке, это означает, что они объективно лучше, чем выходцы из высших слоев, и их стоит выбирать. Такие люди, попав в клан Цзян и получив доступ к богатым ресурсам, часто совершают резкий скачок в силе.

- Кроме того, из-за низкого происхождения, вступив в брак с членом клана Цзян и получив поддержку, они обычно испытывают глубокую благодарность и легче привязываются к клану.

- К тому же, если человек долго сражается и не погибает, не имея никакой поддержки, значит, его удача тоже неплоха. Попав в клан Цзян, он получает больше ресурсов и защиты, что делает его еще менее уязвимым.

Вот почему клан Цзян стал единственным кланом, существующим на протяжении десятков тысяч лет.

Многие силы, считающие себя благородными, насмеялись над подходом клана Цзян к выбору партнеров, а члены клана Цзян лишь отмахивались короткой фразой: «Это правила, установленные великим императором».

На самом деле некоторые силы прекрасно понимали истинную причину.

Они и сами хотели бы подражать такому методу, но не могли переступить через свою гордость и пожалели бы ресурсов.

У клана Цзян не было подобных психологических барьеров.

Что такое благородство, что такое чистота крови? Клан Цзян, будучи одной из крупнейших сил, хотя на словах и придерживался этих понятий, как и все остальные, на деле в них никто не верил.

Только дураки и крайне высокомерные люди считали себя благородными от рождения.

Такие типы обычно долго не жили.

Члены клана Цзян были прагматичны: они понимали, что истинная сила – это и есть основа благородства.

Без опоры на силу любое благородство и чистота крови – это бесполезный мусор.

Как и многие великие кланы, исчезнувшие в безжалостном потоке времени.

Кто теперь помнит об этих «благородных» существах?

Только высмеиваемый клан Цзян передавал свое наследие из поколения в поколение, вплоть до сегодняшнего дня.

Цзян ХаньЯ слегка повернул голову, поправляя золотое украшение в волосах:

- Кроме того, упор на браки с сильными людьми из низов заставляет многих из них испытывать естественную симпатию к клану Цзян. Иногда, когда клан Цзян ущемляет их интересы, они думают не о том, чтобы свергнуть клан, а о том, чтобы через брак войти в него.

- Супергении, способные свергнуть клан Цзян, обычно через брак просто поглощаются кланом. Все становятся одной семьей, и распределение интересов становится гораздо проще. А те, кто не так силен, вообще не имеют значения, они не способны пошатнуть основы клана.

Они не ненавидели клан Цзян - они ненавидели себя за то, что оказались недостаточно хороши, чтобы вступить в брак с кем-то из этого клана.

- Ты понял, что я имею в виду? - спросил Цзян ХаньЯ.

Инь Цичи был слишком умен, чтобы этого не понять.

- Я понял, - он улыбнулся. - У меня отличные условия, верно?

Цзян ХаньЯ серьезно кивнул:

- Да.

- Если в будущем противостоянии ты одержишь победу, - Цзян ХаньЯ посмотрел на Инь Цичи, заговорив спокойным голосом, - я надеюсь, ты вступишь в брак с кем-то из клана Цзян. Так, даже если я умру, клан не потеряет топ-бойца.

Если Цзян ХаньЯ победит, это, конечно, будет лучшим результатом.

Но если случится обратное, и Цзян ХаньЯ проиграет, а Инь Цичи станет великим

императором, то, если Инь Цичи станет членом клана Цзян, положение клана не изменится.

- Тебе не нужно беспокоиться о том, что моя смерть создаст какие-то препятствия, - тон Цзян ХаньЯ оставался размеренным. - То, что ты протянешь оливковую ветвь клану Цзян, само по себе будет компенсацией за мою смерть, и клан примет тебя без всякой неприязни.

Клан Цзян быстро отбросит печаль по поводу смерти Цзян ХаньЯ и с радостью примет великого императора в свои ряды.

- Я обещаю, - улыбнулся Инь Цичи. - В будущем я обязательно женюсь на ком-то из клана Цзян.

«Я уже даже выбрал подходящего кандидата. И наследник, который получит всё имущество, уже определен. Не волнуйся, я обязательно сдержу слово», - подумал он.

- Это хорошо, но до этого еще очень далеко, - Цзян ХаньЯ кивнул и опустил взгляд. - Сначала доживи до этого момента.

- Сейчас говорить об этом еще слишком рано.

Цзян ХаньЯ просто подстраховался.

Он не считал, что проиграет в этот раз.

- А как насчет тебя? - Инь Цичи задал самый важный вопрос. - Ты найдешь себе сильную пару до нашей дуэли?

- Нет, - Цзян ХаньЯ покачал головой. - Многие силы считают меня бельмом на глазу. Если у меня появится партнер, они обязательно сделают всё возможное, чтобы убить его, попытаюсь пошатнуть мое душевное равновесие.

- К тому же, - в голосе Цзян ХаньЯ прозвучала нескрываемая гордость, - я еще не встречал

никого, чей талант и достижения могли бы сравниться с моими, кроме...

Он взглянул на Инь Цичи.

Инь Цичи лишь улыбнулся.

Цзян ХаньЯ снова покачал головой.

Ничего страшного.

Он даже предусмотрел страховку: Инь Цичи пообещал, что в будущем женится на ком-то из клана Цзян, так что, жив он будет или мертв, клан Цзян продолжит стоять твердо и не пошатнется.

Цзян ХаньЯ закончил причесываться, а Инь Цичи уже сидел рядом, погружившись в медитацию.

В мире культивации не было мистической энергии, поэтому Цзян ХаньЯ делать было нечего. Он, прислонившись к изголовью кровати, взял почитать книгу, лежавшую в комнате.

На тумбочке лежали две книги – неизвестно, оставили ли их предыдущие постояльцы или ресторан специально положил их для гостей.

Цзян ХаньЯ наугад взял верхнюю и начал читать.

Чем дальше он вчитывался, тем абсурднее всё казалось.

Это была история о том, как смертный спас магического зверя, а тот превратился в красавицу и вышел за него замуж. Но в брачную ночь, выпив вина, зверь не выдержал и принял свой истинный облик. Правда раскрылась, и смертный воспользовался моментом, чтобы убить зверя.

На словах он твердил о том, что люди и звери живут в разных мирах, а сам тут же преподнес императору внутреннюю жемчужину зверя.

Император получил жемчужину, продлевающую жизнь, и был в неописуемом восторге. Смертный же в одночасье превратился в зятя императора, погрузившись в пучину безграничного богатства и славы.

«У этого человека с головой всё в порядке?» – недоумевал Цзян ХаньЯ.

Узнав, что его жена – могущественный магический зверь, разве не должен он был прийти в восторг? Разве не следовало ему умолять супругу научить его секретам культивации, чтобы самому встать на путь самосовершенствования и обрести истинную силу?

Откуда в нём эта жалкая, примитивная жадность до земных богатств и мимолётной славы?

А что до того зверя... зачем после спасения превращаться в красавицу и так легко отдаваться первому встречному? Забросила многолетнюю культивацию и целыми днями крутилась вокруг этого никчемного смертного. Помогла бы ему, если бы он действительно попал в беду, и на этом всё!

Цзян ХаньЯ с чувством брезгливости отложил книгу.

Он искал в чтении развлечения, а в итоге почувствовал, что сам стал своего рода развлечением для автора этого нелепого произведения.

Он взял вторую книгу, но сюжет новой истории вызвал у него не интерес, а настоящий гнев.

Студент, не имевший ни гроша на поездку в столицу для сдачи государственных экзаменов, получил помощь от куртизанки из публичного дома. Она поддержала его, договорившись, что после получения высокого чина он вернется и женится на ней. В итоге студент блестяще сдал экзамен, занял первое место в списке, но, едва достигнув цели, немедленно женился на дочери премьер-министра. Далее следовало пространное описание того, как он постепенно становится влиятельным и могущественным чиновником, а куртизанка просто исчезла из повествования, словно её и не было.

«Даже если не хочешь жениться, верни хотя бы деньги! Выкупи её из рабства и обеспечь ей достойную жизнь!» – возмутился он.

Бесстыжая тварь.

Обе книги оказались абсолютно никуда не годными.

Цзян ХаньЯ подумал, что такие ужасные произведения вряд ли ресторан выложил специально для гостей. Скорее всего, предыдущие постояльцы, прочитав этот бред, решили, что книга находится за пределами их понимания, и просто бросили её здесь.

На его месте он бы тоже её выбросил. Что за чушь вообще можно писать?!

Он вернул книги на место и лег спать.

Когда он снова открыл глаза, Цзян ХаньЯ пребывал в полном замешательстве, совершенно не понимая, какой сейчас день и час.

Он потер лоб и с удивлением обнаружил, что находится в публичном доме, где воздух был густо пропитан приторным запахом пудры и благовоний.

Перед ним стояла красавица, чья внешность была настолько ослепительной, что могла бы стать причиной падения целой империи.

Внезапно к нему вернулись воспоминания: он якобы собирался в столицу на экзамены, но из-за отсутствия денег впал в глубокое отчаяние и решил потратить последние гроши на вино и женщин. А затем пришла служанка и позвала его на встречу с главной куртизанкой этого заведения.

Цзян ХаньЯ нахмурился, искренне не понимая своего «прежнего» воплощения. Что за нелепую

ерунду он творил?

Подумав о том, что путь до столицы неблизкий и время уходит, он решил больше не тянуть. Не обращая никакого внимания на красавицу-куртизанку, он решительно собрался уходить.

- Ой, погоди, - раздался за спиной нежный голос.

Цзян ХаньЯ остановился и озадаченно обернулся:

- Что-то случилось?

- Сестренка, этот парень такой симпатичный! Я никогда в жизни не видела таких красивых мужчин, - прошептала одна из девушек.

- Ну и что с того, что красивый? - холодно ответила та, кого называли сестрой. Это была статная красавица, которая смотрела на свою наивную названую сестренку с глубоким скепсисом. - Всё это лишь золото и нефрит снаружи, а внутри - одна гниль.

Они, обе сестры, были заперты в этой книге. Тот, кто обрек их на эти страдания, сказал: если мужчина, прочитав содержание книги, искренне проникнется сочувствием, а затем войдет в мир иллюзии и сможет сохранить верность своим принципам, сделав выбор, отличный от тех жестокосердных и ветреных мужчин, что были прописаны в сюжете, они будут спасены и избавлены от проклятия.

Однако постояльцев, дочитывающих книгу до конца, было немного. Мужчин, способных проникнуться сочувствием, - еще меньше. А тех, кто мог сохранить верность своим идеалам, оказавшись внутри, - почти не существовало.

Или, вернее, их истинная суть всегда оказывалась иной.

Иллюзия книги заставляла человека показать свое истинное лицо, безжалостно срывая все мирские маски. Человек, который в реальности казался вежливым, праведным и благородным, в своем истинном обличье мог оказаться крайне уродливым и подлым.

Она прошла долгий путь от робкой надежды до полного отчаяния и больше ничего не ждала от этого мира. Ее названная сестра попала сюда позже и всё еще питала какие-то нереалистичные надежды на спасение.

Однако даже если она сама уже отчаялась и не хотела действовать по сценарию, как только кто-то входил в книгу, она мгновенно попадала под контроль мощной силы и была вынуждена вести себя в точности так, как того требовала роль персонажа.

Даже если человек перед ней вызывал у неё физическую тошноту, она была обязана изображать услужливость, кокетство и осторожность.

Какая гадость.

По мере того как читавший книгу мужчина затягивался в иллюзию, она в который раз стала куртизанкой и с привычной кокетливой улыбкой произнесла:

- Какой красивый студент... О чем ты так горько грустишь?

И этот студент, как она и ожидала, ответил по сценарию:

- Я грущу о том, что у меня нет денег на дорогу в столицу для экзаменов.

Как раз в тот момент, когда она, под давлением внешней силы, должна была предложить ему деньги, студент внезапно продолжил:

- Поэтому мне нужно срочно уходить.

Его реакция была иной, не предусмотренной сюжетом, и куртизанка смогла на мгновение взять себя в руки, с искренним удивлением спросив:

- Уходить?

- Да, - спокойно ответил студент. - Слышал, что в ближайших горах орудуют бандиты. Я собираюсь пойти и разобраться с ними.

Куртизанка замерла в полном недоумении: «...?»

А?

Цзян ХаньЯ был предельно серьезен в своем намерении разобраться с разбойниками.

Он уже собирался покинуть заведение, как куртизанка снова его остановила.

Она была вынуждена силой предложить ему деньги. Цзян ХаньЯ изначально не хотел их брать, но быстро понял, что дальнейшие споры лишь отнимут драгоценное время, и принял подношение.

- Спасибо, - он вежливо поклонился куртизанке. - Я обязательно отплачу тебе.

Эту фразу куртизанка слышала бесчисленное количество раз, и в её сердце она не вызвала никаких эмоций.

Цзян ХаньЯ быстро ушел.

На ближайшей к публичному дому горе действительно обосновалась банда разбойников, которые грабили, убивали и творили всякие бесчинства. Но из-за их большой численности и того, с какой легкостью они могли спрятаться в густых лесах, местные чиновники ничего не могли с ними поделать.

Цзян ХаньЯ сразу почувствовал к ним особую, почти профессиональную симпатию. Казалось, эта банда разбойников специально ждала, когда он придет и наведет здесь порядок.

Цзян ХаньЯ расспросил местных жителей, купил на деньги куртизанки подходящий меч и с предельно четкой целью отправился в горы.

Как только студент скрылся из виду, куртизанка снова попала под полный контроль силы и была вынуждена делать то, что полагалось её роли.

Она была полна гнева и ненависти, глядя на похотливых мужчин, и хотела лишь одного – прикончить их всех. Но внешне она была обязана изображать льстивую улыбку. Она поднялась на второй этаж и села за гуцинь под полупрозрачными занавесками.

Смеркалось, скоро должна была наступить ночь.

Хотя она была куртизанкой, которая продавала искусство, а не тело, снизу всё равно доносились грязные, сальные слова. Она могла лишь делать вид, что не слышит их, и, продолжая улыбаться, играть на струнах.

Даже если пальцы болели от напряжения, она не могла остановиться. Такая жизнь должна была продолжаться еще очень долго. Боль и гнев в её сердце становились всё сильнее.

Однако в этот момент снизу, где раньше звучали песни, танцы и разгульный смех, внезапно раздались крики.

Что-то случилось внизу. Испуганные вопли и звуки поспешного бегства смешались в один хаотичный шум.

Что... что происходит?

Со временем звуки внизу стихли, почти все гости в панике разбежались. Контроль внешней силы также заметно ослаб.

Наконец она смогла полностью взять себя в руки, отодвинула занавески и посмотрела вниз.

В пустом зале студент, который должен был ехать на экзамены, медленно и уверенно шагал внутрь.

Однако один красивый студент не мог напугать толпу до такой степени. Она перевела взгляд ниже, и её зрачки резко сузились от ужаса.

Мамочки... этот студент тащил за собой целую связку голов! Эти жуткие, обрубленные головы с вытаращенными глазами, казалось, даже после смерти не могли найти покоя.

Головы были нанизаны на грубую веревку, и при каждом его шаге они с глухим стуком ударялись о пол: «га-ля, га-ля».

Невысохшие пятна крови были повсюду!

Неудивительно, что все разбежались – она сама в этот момент хотела бежать без оглядки!

Что это за чудовище сюда заявилось? Разбойничий атаман?

В одно мгновение все чувства, бурлившие в её сердце, исчезли, сменившись абсолютной растерянностью, ужасом и одним-единственным вопросом: «Что вообще происходит в этом мире?!»

У куртизанки подкосились ноги, и она едва не свалилась со сцены.

Затем она воочию увидела, как этот разбойничий... студент подошел к сцене и посмотрел на неё снизу вверх.

- Пошли, пойдем в управу за наградой.

Он всё еще был таким же серьезным, как и днем:

- В законе написано, что за подавление бандитов можно сменить статус с низкого на обычный. Пойдешь со мной за наградой и станешь порядочной женщиной.

- Но, - Цзян Ханья внезапно сменил тон, - кроме тех денег, что ты мне дала, остальные деньги - мои. Делить не будем.

- Не подумай, что я жадный. Просто я очень опаздываю на экзамены в столицу, и мне нужно больше денег, чтобы нанять карету. Это дорого.

Затем она услышала, как он с искренней досадой добавил:

- Знал бы - оставил бы главаря и его заместителя в живых. Они могли бы и каретой управлять, и в столице я бы подарил их местным властям в качестве трофея, чтобы завоевать расположение.

Убить двух зайцев одним выстрелом.

Может, они тогда обрадуются и даже выделят ему бесплатное жилье. Даже на проживании сэкономит.

Куртизанка: - ...

<http://bllate.org/book/17943/1720837>